

Вернувшись в усадьбу, Чжоу У по-прежнему был мрачнее тучи. У Яо пытался его подбодрить, но тот молчал.

После ужина все собрали отснятый материал и разошлись по комнатам.

Вечером У Яо снова позвал Чжоу У ночевать вместе. Тот сжал губы, покачал головой, нахмурил брови, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Сегодня я один.

Скри-и-п — Чжоу У толкнул дверь своей комнаты. Дыхание тут же участилось. Он обвёл взглядом помещение — всё как вчера.

Включая портрет.

Тот больше не прятался за марлей, а висел открыто, на самом видном месте.

Сейчас он выглядел как самая обычная картина — тихо висел на стене, и, каким бы живым ни казался нарисованный взгляд, зрачки больше не двигались.

Чжоу У почти начал верить, что всё это было галлюцинацией, — но, войдя в ванную и раздевшись, увидел синие отметины на щиколотках, пальцах и подъёме стопы — и снова погрузился в хаос.

А оберег, который девушка сунула ему в переулке, мирно лежал в кармане другой куртки.

Не сон.

Стоило этой мысли укорениться — она, как едкая кислота, начала разъедать хрупкий запас храбрости.

Купель наполнилась горячей водой. Чжоу У любил принимать ванну: в здешнем холоде простой душ не давал длительного тепла — только после долгого отмокания можно было согреться по-настоящему.

Вообще-то он редко принимал ванну. В детстве, в деревне, у них была большая деревянная лохань, а после переезда в город — уже не до того.

Синяки на ногах начали понемногу бледнеть по краям; кольцо следов на щиколотке тоже слабело.

Чжоу У подтянул колени к груди, обхватил руками лодыжку. Рука «его» была и вправду огромной.

Перед тем как залезть в воду, Чжоу У развернул ростовое зеркало лицом к стене. Зеркала теперь вызывали у него страх.

Смочив полотенце, он медленно растирал тело. Белая кожа покрывалась нежным румянцем, горячая вода постепенно прогревала его изнутри.

Со стороны могло показаться, что юноша в облаке пара наслаждается горячей ванной. На деле всё тело Чжоу У было каменно напряжено.

Стиснутые коренные зубы, застывшие ступни, сгорбленная спина, указательный палец неестественно вцепился в мочалку. Он не смел поднять голову — смотрел только на собственное тело и методично, сантиметр за сантиметром, отмывал его.

Закончив, он медленно поднялся из купели, перешёл в душевую кабину, выдавил шампунь и бережно, почти невесомо начал массировать голову. Волосы у него были тонкие, шелковистые; стоило шампуню вспениться — пряди сливались с пеной, мягкие и воздушные.

Движения казались плавными, но на самом деле тело было деревянным, и ногти то и дело царапали кожу головы.

Смыв пену с волос, он нанёс гель для душа и тщательно, слой за слоем, прошёлся по каждому участку тела, не пропуская ни единой складочки.

Он боялся — и мог только мыться, мыться, мыться, чтобы отвлечься от страха.

Вдруг Чжоу У замер.

Вода лилась сверху нескончаемым потоком, окутывая его целиком; шум воды заглушал всё вокруг.

Но нервы, обострённые до предела последними днями, заставляли его прислушиваться к малейшим отклонениям.

Слишком тихо.

Кроме воды — ни звука. И в этой мёртвой тишине он услышал два еле слышных удара: «тук... тук».

Стеклянная дверь запотела, ничего не видно. Скользкими от пены пальцами он медленно провёл по стеклу, стирая конденсат, — открыл маленький кружок обзора.

Ничего. Всё как было. Он стёр ещё один участок — снова пусто.

Чуть-чуть полегчало.

Но руки задвигались быстрее.

Горячая вода смыла пену с головы до ног. Чжоу У приоткрыл стеклянную дверь и потянулся за полотенцем, висевшим на ручке снаружи.

Кончики пальцев коснулись чего-то ледяного.

Чжоу У отдёрнул руку, как от удара током, — и полотенце полетело следом.

Склонившись к щели, он посмотрел вниз: в узком поле зрения смутно проступал мокрый отпечаток — половина стопы.

Нервы Чжоу У лопнули. Терять было нечего. Носком ноги он тихонько толкнул дверь — пружинный механизм не издал ни звука.

Обвёл комнату взглядом — ничего. Медленно опустил глаза: расплывчатый влажный след на полу уже почти исчез.

Полностью утратив остатки хладнокровия, Чжоу У сделал нечто безумное — наступил собственной ногой на этот след.

Чтобы сравнить размер. Хотя отпечаток был размыт, разница в масштабе бросалась в глаза настолько, что игнорировать её было невозможно.

Дыхание становилось всё тяжелее. Прежде чем рассудок окончательно порвался, он схватил большое полотенце, обмотался с головой и, не оглядываясь, вылетел из ванной.

Молниеносно натянув пижаму, Чжоу У — с покрасневшими от слёз глазами — нырнул под одеяло.

На этот раз он не оставил снаружи даже макушки. Закопался целиком.

Но даже так ему было невыносимо страшно. Десять минут — никаких посторонних звуков. Только тогда его чуть отпустило.

Со временем воздух под одеялом стал заканчиваться, дышать было всё труднее. Нужно было высунуться хоть на секунду — глотнуть свежего воздуха.

Но высовывать голову он не хотел ни за что. Лучше быть страусом, зарывшим голову в песок.

И тут его осенило.

С правой стороны красного одеяла приподнялся маленький бугорок. Сначала показались белые пальцы ног, потом подъём стопы, потом голень — и голень слегка пнула вверх, впуская струю холодного воздуха через щель между одеялом и матрасом.

Давление в груди ослабло. Но выставленная наружу нога тут же захотела обратно.

Нога не убиралась.

Какая-то сила схватила его голень и не отпускала.

Сила была огромной: как ни старался Чжоу У подтянуть ногу — та не сдвинулась ни на миллиметр.

— Ты... кто ты... — голос сорвался на всхлип.

Ответа не было. В комнате — тишина. Чжоу У почувствовал, как что-то коснулось его подошвы — щекотно, — а потом ледяной потусторонний ветер добрался до пальцев и начал просачиваться между ними.

Словно в руках оказалось невиданное сокровище: его держали, перебирали, медленно, палец за пальцем, обрисовывая контур каждого.

Это ощущение гибкости... как у руки.

Точно рука.

Чжоу У был уверен: если он высунет голову и посмотрит — увидит пару бледных, сильных ладоней.

Он чувствовал, как его тянут, вытаскивая всю голень наружу, чтобы тому было удобнее её разглядывать.

А потом икру свело судорогой.

Поза была неудобная, к тому же он был в панике, вся нога окаменела — из-за поджатых пальцев сухожилие от икры до стопы схватило спазмом.

Острая, пронзительная боль.

— А-а... больно... — вырвалось у него невольно. Под одеялом он попытался дотянуться до ноги руками, но голень была зажата намертво.

— Больно же! — всхлипнул Чжоу У.

Вдруг тонкое, вырисовывающее прикосновение замерло. Чжоу У под одеялом распахнул глаза: он почувствовал, как ледяное касание похлопывает его по икре.

Слёзы, выжатые страхом, застыли на ресницах. Он не мог осмыслить происходящее.

Что «он» делает?

Он чувствовал, как потусторонний ветер мягко поглаживает его голень, и на мгновение ощутил на коже шершавые мозоли ладони.

Из горла вырвался сухой, сиплый звук «а-а» — голосовые связки сжались, слова не шли.

Звук был похож на писк раненого зверька — жалкий, беспомощный.

И неожиданно — от похлопываний судорога начала отпускать. Нога по-прежнему была скована, но острая боль утихла.словно его утешали — нежно, настойчиво, — пока пальцы не перестали дёргаться.

А потом всё прекратилось. Голень больше ничто не сжимало. Чжоу У долго не мог пошевелиться, прежде чем наконец втянул ногу обратно.

Он не мог описать, что чувствовал сейчас. Страх — запредельный. Но где-то в глубине — что-то необъяснимое, чему не было названия.

Бурная борьба и слёзы довели его до удушья. Ещё несколько минут под одеялом — и инстинкт самосохранения заставил его выбраться наружу.

Он зажмурился, но не удержался и приоткрыл один глаз.

В комнате — никого.

Яркий свет, всё как на ладони.

Чжоу У включил экран телефона. Руки тряслись так, что он четыре раза ввёл пароль неправильно. Наконец разблокировал — и дрожащими пальцами начал искать аудиоплеер.

Но случайно открыл камеру. Фронтальную.

И в следующую секунду увидел на экране своё лицо — и за своей спиной, в нескольких шагах, высокую, прямую фигуру.

Оцепенение не давало пошевелиться. Он смотрел, как фигура приближается... ближе... ближе...

Бледная, нечёткая, мерцающая, как помехи на старом телевизоре, — но силуэт и черты лица угадывались.

А потом — ледяное дуновение у самого уха, и бледные тонкие губы почти коснулись мочки. Кончик языка слизнул слезу с уголка его глаза.

На экране телефона Чжоу У — широко распахнутые миндалевидные глаза, приоткрытый рот; от ужаса он, кажется, даже забыл плакать.

Но он услышал. У самого уха — едва уловимый вздох. А потом длинные, красивые пальцы мягко легли ему на макушку — успокаивающий жест.

И исчезли, как дуновение ветра.

.

— Вай-фай! Тут вай-фай появился! Все сюда, в интернет!! — У Яо носился по коридору, как школьник, которого неделю держали без компьютера.

Чжоу У кивнул. Он, в общем-то, не был зависим от телефона.

Подключился к сети — и его завалило сообщениями.

Пробежав глазами несколько строк, он ответил только лучшему другу. Остальное — пустая болтовня, неинтересно.

Вообще-то интернет тут и раньше был, но недавно гроза выбила роутер.

Кто-то достал ноутбук и с профессиональным рвением открыл сетевой канал их телекомпании.

Из динамиков раздался молодой мужской голос: «Невероятно вкусно! Это самая нежная, самая мягкая рыбная вырезка, что я пробовал, — тает во рту, ни малейшего рыбного запаха, amazing...»

Сейчас в эфире их интернет-радио шло кулинарное шоу — самая рейтинговая программа канала, кузница кадров. Три ведущих подряд взлетели на ней, как на ракете.

Все трое через год-два после дебюта пошли на повышение: кто в шоу-бизнес, кто в блогеры, а кто — сразу на центральный канал.

У Яо ткнул пальцем в экран, где красовался весьма симпатичный молодой человек, и недовольно буркнул:

— Бля, это ж та самая программа, куда я больше всего хотел! Помню, на собеседовании Умчик рядом сидел, и я уже понял — мне хана. А в итоге, мать его, этот тип по блату прошёл! Вспомнил — он из того же универа, что и тот□□, который нашего Умчика подставил!

Кулинарные выпуски иногда снимали в студии, иногда — в ресторанах. Студия была залита светом, уютная, тёплая; даже через экран казалось, что пахнет едой.

Молодой человек на экране, сияя улыбкой, дегустировал блюдо за блюдом и делился впечатлениями.

Не успел У Яо договорить, как Ху Юй щёлкнул его по лбу. У Яо не понял, в чём дело, обернулся — и увидел Чжоу У, который неведь когда встал у него за спиной.

Он мгновенно осознал, что сболтнул лишнего. Чжоу У и так на взводе, нервы ни к чёрту, а тут ещё видит, как его законное место занял другой. Наверняка ему сейчас тошно.

Но Чжоу У ничего не сказал. Покачал головой, отошёл к скамейке у стены и протянул руки к жаровне.

У Яо торопливо замял тему:

— Ну, зато если много жрать — растолстеешь, а на камеру это некрасиво!

Чжоу У: «...»

Это что, утешение? Он бы не против поправиться.

Он опустил голову и тяжело выдохнул.

Прошлой ночью Чжоу У так и не понял, как уснул.

К концу он просто выплакал все слёзы, обессиленно свернулся калачиком под одеялом — и, видимо, отключился.

Но утром обнаружил, что одеяло аккуратно натянуто до переносицы, словно кто-то специально его укрыл.

Чжоу У решил, что его стрессоустойчивость давно превысила человеческую норму. Он не сломался, не сошёл с ума, не побежал за помощью.

Таков уж его характер — с детства самостоятельный, не любит обременять других и не хочет быть обузой.

Но в глубине души было и другое объяснение, которому Чжоу У оставался верен. Он боялся — да, но боялся явлений, а не «его». Что он чувствовал к «нему» — он и сам не мог сказать.

После завтрака, когда желудок наполнился, сахар в крови подскочил, и Чжоу У разморило. Он обмяк в кресле, вялый, как пирожок без начинки.

Ван-цзе принесла чашку горячей воды и села рядом. Она смотрела на юношу — его и без того светлое лицо стало почти прозрачным, синяки под глазами всё темнее, — и у неё сжалось сердце.

Материнский инстинкт.

Все эти дни она почти не говорила, но зорко следила за каждым. И, кажется, кое-что заметила.

Ван-цзе мягко сказала:

— Умчик, я от старших слышала: если ты и вправду видишь такое — главное, не слушай и не смотри.

Чжоу У уставился на неё, поражённый:

— Вы...

— У меня была подруга, — продолжила Ван-цзе. — С ней случались странные вещи. Такие, что

наукой не объяснишь.

— И вы верите в это? — Чжоу У распахнул свои миндалевидные глаза и выпрямился, глядя на неё с изумлением.

— К тому, чего не знаешь, нужно относиться с почтением, — спокойно ответила она.

Чжоу У задумался. Почтение.

Помолчав, он спросил:

— То есть вы советуете мне притворяться... что я ничего не вижу?

Ван-цзе кивнула:

— Мне говорили, что такие больше всего питаются страхом. Поэтому они любят пугать людей. Если ты будешь делать вид, что ничего не происходит, им станет скучно — и они отстанут.

Не обращать внимания, значит?

Чжоу У опустил голову, нахмурил брови. Звучало разумно. С самого начала его слишком бурные реакции словно подстёгивали «его» — тот становился всё настойчивее. Если бы с первого дня Чжоу У не реагировал, делал вид, что ничего не замечает, — может, «он» бы потерял интерес...

Кстати, Чжоу У до сих пор не понимал: почему «он» вообще к нему привязался?

Судя по отпечаткам на лодыжке, это точно «он», а не «она». И, будучи сам мужчиной, Чжоу У не видел в себе ничего такого, что могло бы привлечь чьё-то внимание.

Может, и вправду «его» забавляла паника Чжоу У?

Да. Не обращать на «него» внимания.

Притвориться, что «его» не существует.

Делать вид, что ничего не видишь.

Что бы «он» ни делал — никакой реакции.

<http://bllate.org/book/22494/2373592>